

Ли Цюбай желал лишь одного: чтобы Цзян Фэйцзинь был ошеломлен и раздавлен, когда его обман будет раскрыт. Ли Цюбай не боялся мести, ведь ничто из этого не могло причинить ему настоящей боли. Однако он никак не ожидал, что Цзян Фэйцзинь скажет ему такое.

— Ты... что ты сказал?

— Что? Не нравится? — тон Цзян Фэйцзиня был равнодушным и легкомысленным. — Раз так, можешь уходить.

Он опустил голову, открывая папку с документами, и добавил:

— Но если уйдешь, я не ручаюсь за то, что станет с семьей Ли.

Это прозвучало как простая констатация факта, но Ли Цюбай уловил в его словах угрозу.

— Почему... именно я? — тихо спросил Ли Цюбай. Улыбка сошла с его лица. Теперь, когда зрителей не было, ему больше не нужно было играть. — Ты все еще любишь меня?

Рука Цзян Фэйцзиня, сжимавшая ручку, заметно напряглась. Он издал короткий смешок:

— Конечно, нет. Ты сам когда-то сказал: главное — веселиться. В ту ночь я не наигрался, вот и хочу продолжить. Когда мне надоест, ты сможешь уйти.

В сознании Ли Цюбая эти слова автоматически трансформировались в иное: когда Цзян Фэйцзиню надоест, он наконец отпустит всё в своем сердце, и тогда иллюзорный мир разрушится.

— Хорошо, — ответил он. Если таков способ мести Цзян Фэйцзиня... он переживал подобное тысячу лет и уже давно онемел душой.

И правда, Цзян Фэйцзинь остался верен себе, его манера действовать всегда была такой узнаваемой.

Получив согласие, Цзян Фэйцзинь поджал губы, чувствуя, как внутри ворочается глухое раздражение. Почему он согласился так легко? Неужели ему действительно все равно?

Цзян Фэйцзинь бросил ручку, откинулся на спинку кресла и холодно приказал:

— Снимай.

— ...Что? — Ли Цюбай слегка нахмурился.

— Одежду. Снимай, — терпеливо пояснил Цзян Фэйцзинь.

Ли Цюбай огляделся по сторонам.

— Прямо здесь?

Он помнил, что секретарь Ван не запирает дверь, когда уходит, а это значило, что в кабинет в любой момент могли войти люди.

— Не можешь? — спросил Цзян Фэйцзинь.

Он намеренно ставил Ли Цюбая в неловкое положение, и тот прекрасно это понимал. Ли Цюбай пристально посмотрел на него. Погода сегодня была не слишком холодной, и, собираясь на встречу с Цзян Фэйцзином, он надел костюм, никак не ожидая подобного развития событий.

Вскоре Ли Цюбай, храня молчание, поднял руки и расстегнул пуговицы пиджака. Он снял его и бросил на диван, затем его длинные тонкие пальцы потянулись к пуговицам рубашки, расстегивая их одну за другой.

Обнажились изящные ключицы. Ли Цюбай всегда был худощав, но его тело не было хрупким: мышцы были выражены ровно настолько, насколько нужно, без лишней массивности.

Когда рубашка была расстегнута, он также отправил её вслед за пиджаком на диван и взялся за ремень.

На виске Цзян Фэйцзиня забились вены. Глядя, с какой готовностью тот подчиняется, не проявляя ни капли стыда, он не знал, на кого злиться больше — на себя или на него.

Как только Ли Цюбай расстегнул ремень, Цзян Фэйцзинь больше не смог усидеть на месте. Он резко вскочил, подошел к Ли Цюбаю, схватил его за запястье и распахнул другую дверь в кабинете. Там находилась комната отдыха с одной кроватью, где он иногда ночевал; здесь были все необходимые гигиенические принадлежности.

Ли Цюбай уже отдыхал здесь раньше. Цзян Фэйцзинь включил свет, с грохотом захлопнул дверь и швырнул Ли Цюбая на кровать.

От прикосновения обнаженной кожи к прохладным простыням тело Ли Цюбая мгновенно напряглось. Цзян Фэйцзинь, опустив взгляд, неторопливо и методично начал раздеваться, словно не он только что в нетерпении затащил Ли Цюбая внутрь.

В комнате отдыха было всё необходимое. Цзян Фэйцзинь подготовился заранее — то ли он был уверен, что Ли Цюбай придет, то ли им двигали иные помыслы.

Это был не первый раз для них обоих, поэтому Цзян Фэйцзинь проявил некоторое терпение, не переходя сразу к грубости.

Ли Цюбай поднял руку, прикрывая глаза.

Когда всё переросло в неистовый шторм, Цзян Фэйцзинь по-прежнему сжимал губы, не проронив ни слова. Он смотрел на лицо Ли Цюбая, и в глубине его глаз бушевала хаотичная, подавляемая ярость.

Сколько еще людей видели его таким? От одной этой мысли Цзян Фэйцзинь готов был обезуметь от ревности, и его движения становились всё более жесткими.

Когда всё закончилось, Ли Цюбай был совершенно измотан — у него не осталось сил даже поднять руку. Он лежал на кровати с закрытыми глазами, его кожа блестела от пота. Если в первый раз Цзян Фэйцзинь был полон нежности, то сейчас он напоминал дикого зверя, вырвавшегося на свободу и не знающего меры.

Ли Цюбай давно не испытывал подобного изнеможения и теперь никак не мог прийти в себя.

Цзян Фэйцзинь оделся и бросил:

— Сегодня едешь ко мне домой.

Ли Цюбай приоткрыл глаза и посмотрел на него.

Цзян Фэйцзинь процедил сквозь тонкие губы холодные слова:

— Выполняй свои обязанности любовника. Надеюсь, ты будешь послушным, второй молодой господин Ли.

Ли Цюбай закрыл глаза. Спустя долгое время он ответил охрипшим голосом:

— Я понял.

Ли Цюбай поселился в доме Цзян Фэйцзиня. Его старая одежда всё ещё висела в гардеробе. Днём он работал в компании семьи Ли, а по вечерам, приняв душ, ждал возвращения Цзян Фэйцзиня. Тот обычно приходил очень поздно, и случалось, что Ли Цюбай, уже погрузившись в сон, просыпался от того, что его будили.

Так началась их совместная жизнь. В какой-то степени она даже казалась гармоничной: большую часть времени Цзян Фэйцзинь сохранял одно и то же выражение лица — абсолютное безразличие, холод до мозга костей, однако в постели он проявлял невероятную страсть и неутомимость.

Накануне праздника Весны, в канун Нового года, вечер должен был быть шумным и семейным, но у членов семьи Ли были свои дела. Компания семьи Ли наконец встала на ноги, и отец Ли вместе с Ли Сюэмином были поглощены работой; в тот вечер их телефоны на обеденном столе не умолкали ни на минуту. Мать Ли воспользовалась возможностью и снова заговорила с Ли Цюбаем о поисках пары, из-за чего у того заныли виски. Не успел он доесть обед, как отец Ли и Ли Сюэмин вернулись в компанию, а Ли Цюбай целых полчаса слушал ворчание матери и в конце концов сдал позиции, сказав, что у него уже есть пара.

Мать Ли была одновременно удивлена и обрадована, она принялась расспрашивать обо всем подряд: из каких мест эта девушка и знакома ли она с ней.

Ли Цюбай соврал:

— Бывшая одноклассница, вы не знакомы.

Мать Ли снова спросила:

— Наверное, она твоего возраста? Когда приведешь ее в дом познакомиться?

Ли Цюбай уклончиво ответил:

— Поговорим об этом, когда представится возможность.

В этот раз зазвонил телефон у него в кармане. Ли Цюбай взглянул на экран, поднялся и вышел наружу, чтобы ответить на звонок. Это оказался спам-звонок; сбросив его, он не стал сразу возвращаться в комнату и постоял еще немного, прежде чем войти.

— Мне нужно идти, появились срочные дела, — сказал Ли Цюбай матери.

Мать Ли спросила:

— Что за дела? Срочные? Если не к спеху, останься ночевать здесь.

— Очень срочные, — Ли Цюбай поднял с дивана куртку. — В другой раз.

У Ли Цюбая не было особенно близких отношений с семьей, а дольше всего в семье Ли он общался с Ли Сюэмином.

В семье Ли было два сына, и все свои надежды мать Ли возлагала на Ли Сюэмина. В этом доме

Ли Цюбай большую часть времени оставался обделенным вниманием, но в последнее время мать Ли внезапно решила проявить заботу о личной жизни младшего сына, и от этого у Ли Цюбая жутко болела голова.

Взяв куртку, он вышел из дома семьи Ли.

Говоря, что возвращается, он имел в виду лишь жилье Цзян Фэйцзиня. В прежние годы в это время Цзян Фэйцзинь всегда оставался в компании; еще до поступления в университет тот порвал все связи с семьей, был совершенно свободен от любых обязательств и до сих пор жил один-одинешенек.

Ли Цюбай подсознательно полагал, что сегодня Цзян Фэйцзинь тоже останется ночевать в компании, и, возвращаясь, ни о чем особенном не думал.

Он подъехал на машине к жилому комплексу, припарковался и с ключами в руках поднялся вверх.

В квартире царила темнота. Как только Ли Цюбай открыл дверь, в нос ударил запах табака. Он на мгновение замер, нащупал на стене выключатель и зажег свет.

Комната мгновенно озарилась.

Сидя на диване в гостиной спиной к входу, Цзян Фэйцзинь тушил уже не первую сигарету в пепельнице на журнальном столике, и весь воздух был пропитан табачным дымом.

Дверь на балкон была приоткрыта, оттуда задувал холодный ветер. Кондиционер в гостиной не работал, и тепла было не больше, чем на улице.

Ли Цюбай сменил тапочки и вошел:

— Почему свет не включил?

Цзян Фэйцзинь не глядя на него вдавил огарок в пепельницу и глухо произнес:

— Слишком светло.

Слишком светло — от этого квартира казалась еще более тихой и пустой.

— Чего это ты вернулся? — Цзян Фэйцзинь бросил на него косой взгляд.

— Вернулся, как поел, — небрежно бросил Ли Цюбай, не желая упоминать о делах семьи Ли.

— Остановишься здесь на ночь? — снова спросил Цзян Фэйцзинь.

Ли Цюбай словно услышал что-то забавное и тихонько усмехнулся:

— Цзян-цзун, если хочешь меня выставить, я могу поехать в отель.

Цзян Фэйцзинь поджал губы и промолчал.

Ли Цюбай уселся на другом конце дивана, налил себе стакан воды и, сделав пару глотков, почувствовал легкий голод — в семье Ли ему почти ничего не довелось съесть. Он поднялся, чтобы сварить себе лапшу на кухне, но потом подумал, что есть в одиночку не слишком вежливо, и из вежливости поинтересовался у сожителя, не хочет ли тот перекусить.

— Хочу, — бесстрастно отозвался Цзян Фэйцзинь. — И еще сделай глазунью.

Было уже десять часов вечера, и Ли Цюбай задал этот вопрос чисто символически, полагая, что Цзян Фэйцзинь уже поужинал и ничего не станет, но никак не ожидал получить утвердительный ответ — Цзян Фэйцзинь редко предъявлял какие-то требования к еде.

— Ладно, — согласился Ли Цюбай. Сварить еще одну порцию не составило бы труда: он снял куртку, засучил рукава и принялся за дело.

Минут через пятнадцать обе порции были готовы. Бульон с лапшой получился легким и прозрачным, сверху лежало яйцо, украшенное мелко нарезанным зеленым луком. Блюдо источало аппетитный аромат, вызывающий сильный голод. Он поставил обе тарелки на стол, сел на свое место, опустил голову и, перемешав лапшу, принялся за еду.

Цзян Фэйцзинь устроился напротив, бросил взгляд на лапшу, а затем на Ли Цюбая.

Возможно, Ли Цюбай уже и забыл, но в канун Нового года во втором классе старшей школы было очень холодно, за окном шел снег, а он сам только что подрался с кем-то. Из-за чего именно — уже стерлось из памяти, и самым ярким воспоминанием остался сидевший перед ним человек.

В тот вечер Ли Цюбай бережно обработал ему раны, без умолку говоря слова заботы, а потом приготовил миску лапши и с сияющей улыбкой пожелал счастливого Нового года.

Прошло столько лет, а вкус лапши остался прежним, ничуть не изменившись.

Цзян Фэйцзинь опустил взгляд, скрывая бушующие в глазах эмоции.

Ли Цюбай варил лапшу, а Цзян Фэйцзинь мыл посуду.

Ли Цюбай совсем не чувствовал сонливости, свернувшись калачиком на диване в гостиной и включив телевизор, чтобы посмотреть новогодний концерт.

Запах табака в гостиной уже выветрился, дверь на балкон была закрыта, и температура постепенно поднималась. В комнате раздавались веселые звуки из телевизора, а за окном неизвестно когда начал кружить небольшой снег, снежинки падали на стекло и тут же таяли.

Закончив мыть посуду на кухне, Цзян Фэйцзинь сел рядом с Ли Цюбаем и молча стал смотреть вместе с ним телевизор, а его холодная и отстраненная аура немного смягчилась.

Ли Цюбай же истолковал его поведение по-своему. Просидев так минут десять и заметив, что Цзян Фэйцзинь не собирается отправляться спать, он повернул голову и спросил:

— Будем заниматься этим? Я пойду приму душ.

Эта фраза словно задела болевую точку: лицо Цзян Фэйцзиня, только что слегка смягчившееся, мгновенно напряглось, и он схватил Ли Цюбая за руку, когда тот уже поднялся, собираясь идти в ванную.

Ли Цюбай остановился и, опустив взгляд, посмотрел на него:

— Прямо здесь?

— Ты... за кого себя принимаешь? — в голосе Цзян Фэйцзиня сквозила холодность вперемешку с не поддающимися описанию эмоциями.

Ли Цюбай на мгновение замер, не до конца понимая причину этого вопроса, и ответил:

— Твоего любовника.

<http://bllate.org/book/26352/3154708>